
СВЯТИТЕЛЬ ФЕОФАН, ЗАТВОРНИК ВЫШЕНСКИЙ

10/23 января (1894).

Мирское имя Преосвященного Феофана было Георгий. Он родился 10 января 1815 года в селе Чернавское Орловской губернии, где отец его, Василий Говоров, был священником. Кроме Георгия у Василия Тимофеевича и его супруги, Татианы Ивановны, были еще три сына и три дочери. Говоровы вели примерную семейную жизнь и оба отличались глубокою религиозностью и сердечною отзывчивостью к людям. В том же духе они старались дать воспитание и своим детям, заботливо следя за их нравственностью.

Когда Георгию минуло 8 лет, его отдали в Ливенское духовное училище. Получив основательную домашнюю подготовку, мальчик учился очень хорошо и вёл себя с примерною скромностью. В 1829 году Георгий Говоров в числе лучших учеников был переведён в Орловскую духовную семинарию. Здесь, так же, как и в училище, он резко выделялся из среды своих товарищей не только серьёзностью занятий, но и примерным благонравием. В последних классах семинарии с большею ясностью стали определяться и склад ума Говорова, и черты его нравственного характера.

По окончании семинарии в 1837 году Говоров, как лучший из воспитанников своего курса, отправлен был на казённый счёт для дальнейшего образования в Киевскую Духовную академию. Ещё в семинарии он решил как можно серьёзнее заниматься изучением богословских предметов и строго хранить чистоту своей души и непорочность сердца. Насколько непоколебимо и прочно было в нём это решение, видно из того, что ещё за год до полного окончания академического курса он подал прошение о пострижении в монашество. 15 февраля 1841 года, когда ему минуло всего 26 лет, он принял постриг с именем Феофан.

В 1841 году, уже в сане иеромонаха, Феофан в числе первых закончил академию и был удостоен степени магистра богословия. По выходе из академии молодой магистр первоначально посвятил себя учебно-воспитательной деятельности, последовательно проходя должности: ректора Киево-Софиевского духовного училища, затем инспектора Новгородской семинарии, а потом бакалавра и помощника инспектора Санкт-Петербургской Духовной академии.

К тому времени нашим правительством окончательно был решён вопрос об учреждении в Иерусалиме Духовной миссии. Иеромонах Феофан давно горел желанием посетить святыне места Палестины, лично ознакомиться с положением Православия на Востоке. Штат этой вновь образованной Русской духовной миссии состоял всего из четырёх лиц: её начальника архимандрита Порфирия, иеромонаха Феофана и двух воспитанников Санкт-Петербургской семинарии - Соловьёва и Крылова. Шесть лет пребывания в Палестине были для иеромонаха

Феофана временем неустанный труд по изучению религиозной жизни Востока, чему особенно благоприятствовали неоднократные поездки членов Миссии за пределы Палестины - в Сирию и Египет.

По возвращении в Россию иеромонаху Феофану, возведённому в 1855 году в сан архимандрита, суждено было потрудиться на поприще того же духовно-учебного ведомства, вплоть до ректорства Санкт-Петербургской академии, а до этого назначения ещё раз побывать на Востоке уже в качестве настоятеля Посольской церкви в Константинополе. В это вторичное посещение Востока (1856-1857 годы) архимандрит Феофан имел случай войти в самое близкое общение с Афоном, не раз посещая тамошние монастыри и изучая на месте жизнь афонских иноков.

В 1859 году архимандрит Феофан после столь частых и неожиданных перемещений с места на место был наконец призван к епископскому служению на Тамбовскую кафедру, а в 1863 году ему дана была в управление более обширная и многолюдная епархия - Владимирская.

Семь лет архиерейского служения последовательно на двух кафедрах - сначала в Тамбове и затем во Владимире - были для Преосвященного Феофана временем его неутомимых забот о благе своих пасомых. Он неустанно совершал богослужения, произнося каждый раз глубоко назидательные поучения; часто ездил по епархии, возобновлял храмы и всей полнотой любящего сердца жил со своими пасомыми, отечески заботясь об их благе и спасении. Всегда ласковый, приветливый, он со всеми - какого бы сана, положения и возраста кто ни был - обращался с примерным благодушием и величайшею кротостью. Если же по справедливости ему, как епархиальному начальнику, нужно было наказать кого-то выговором, то он поручал это сделать ключарю собора, как бы боясь нарушить тот закон любви, которым он неуклонно руководился в своей жизни и пастырской деятельности.

Служение Преосвященного Феофана в святительском сане, благодаря высоким личным качествам, обещало дать много добрых плодов Святой Церкви. Но ему, как епархиальному архиерею, неизбежно приходилось заниматься совсем не сродными его сердцу делами. Поэтому всё сильнее и настойчивее стала утверждаться в нём мысль об удалении на покой от дел епархиального управления и об избрании для себя такого места жительства, где бы он беспрепятственно мог отдаться молитве и богомыслию. Ещё в бытность свою на Тамбовской кафедре он облюбовал себе такое место - Вышенскую пустынь, о которой не раз говаривал: "Нет места лучше, как Выша". Сюда-то и устремилась мысль святителя, когда он задумал окончательно удалиться от многих не близких его созерцательной душе обязанностей по епархиальному управлению.

Когда в 1866 году в Синоде было получено от Преосвященного прошение об увольнении "на покой" простым иноком в Вышенскую пустынь, присутствующие члены Синода невольно пришли в недоумение и, не зная, как поступить с этой просьбой, прежде всего просили первенствующего члена Синода митрополита Исидора лично переписаться с просителем и узнать, что заставляет его принять такое решение.

В своём ответном письме Преосвященный Феофан объяснил, что под словом "покой" он совсем не имел мысли о ничегонеделании, а что, и по увольнении от епархиального управления, желает так же неленостно трудиться для Православной Церкви, но только "иначе", а именно посредством своих ничем внешним не отвлекаемых трудов по изъяснению Священного Писания. При этом святитель с полною откровенностью признаётся, что он давно лелеял в своей душе мечту посвятить себя исключительно духовным подвигам и

созерцательной жизни в тиши уединения. Приняв во внимание такое объяснение, Святейший Синод уважил просьбу Преосвященного, и он был назначен настоятелем Вышенской пустыни.

Прибыв в Вышу, Преосвященный Феофан прежде всего сложил с себя должность настоятеля пустыни, предпочитая всё время оставаться здесь в простом звании инока. Первые шесть лет пребывания в пустыни святитель-инок посвятил как бы подготовке себя к тому высокому подвигу, к которому намерен был с течением времени перейти, заключив себя в затвор. Он наравне с братиею постоянно ходил в церковь на все монастырские богослужения. В воскресенья и праздничные дни сам служил соборно с архимандритом и монашествующими. Поучений, однако, не произносил, но самое служение его пред престолом Божиим, по свидетельству вышенских иноков, было для всех живым поучением.

В 1872 году святитель Феофан своими руками устроил у себя в келиях малую церквичку, отделив для неё часть наибольшей из комнат - гостиной, где и стал совершать все церковные службы совершенно один, без сослужащих. Наложив на себя великий подвиг строгого затвора, он, кроме настоятеля пустыни архимандрита Аркадия, своего духовника игумена Тихона и келейника, никого уже не принимал. 10 лет святитель-затворник служил Литургию в своей келейной церкви по воскресным и праздничным дням, а в последние 11 лет ежедневно. На вопрос одного из ближайших своих почитателей, как он служит Литургию один, святитель ответил: "Служу по служебнику, молча, а иногда и запою..." Но если смолк живой голос святителя для лиц, имевших когда-то личное и непосредственное общение с ним, то ещё плодотворнее стал он влиять на людей своими богомудрыми творениями и ответными письмами. Кто бы ни обращался к нему за советом и разъяснениями по вопросам духовной жизни, он никому не отказывал в своём письменном руководстве.

Частная переписка святителя с его многочисленными корреспондентами была для него как бы только "подельем", как он нередко выражался. Главная же и наиболее существенная его цель при трудах писания состояла в том, чтобы обогатить нашу богословскую и аскетическую литературу сочинениями и переводами святоотеческих творений. В них у нас чувствовался большой недостаток. И святитель-подвижник том за томом выпускал свои учёные труды, так что во время затвора им напечатано было свыше трёх тысяч печатных листов.

В чём состояла и как протекала собственно внутренняя, духовная жизнь святителя в течение 22 лет затвора, не было доступно наблюдению лиц посторонних и для всех осталось сокровенной тайной. Единственным живым свидетелем, с которым подвижнику по необходимости приходилось иметь некоторое личное сношение, был его келейник Евлампий. Но обязанности последнего ограничивались очень немногим. Каждый день по особому условному стуку он являлся из своей комнаты, помещавшейся в нижнем этаже покоев Владыки, чтобы подать ему чашку кофе и обед, который в скоромные дни состоял из одного яйца и стакана молока, а в четыре часа вечера принести чашку чаю, чем и ограничивалось дневное пропитание подвижника. На обязанности того же келейника лежала забота - с вечера приготовить всё нужное для совершения святителем ранней Литургии, а именно: просфоры, красное вино, ладан и прочее.

В последние годы у святителя-затворника от постоянных и напряжённых занятий письменными работами стало падать зрение, но он продолжал по-прежнему трудиться. Всё в том же строгом порядке было распределено у него время. Только с 1 января 1894 года, за пять дней до кончины святителя, этот ежедневный порядок его жизни несколько расстроился. Не всегда в определённое время святитель давал условный знак о времени чая или обеда.

Накануне праздника Богоявления, чувствуя слабость, Владыка попросил своего келейника помочь ему пройти по комнате. Тот провёл его под руки несколько раз, но немощный Владыка, утомившись, отослал его, а сам лёг в постель. Однако на другой день, в храмовый праздник своей келейной церкви в честь Богоявления Господня, он ещё в силах был отслужить Божественную Литургию и кушал чай, но к обеду не давал условного знака долее обыкновенного. Келейник, заглянув в рабочий кабинет святителя и увидев, что он сидит и что-то пишет, не захотел его беспокоить. Окончив письмо уже около двух часов пополудни (Владыка обычно кушал в час), епископ Феофан подал знак. Келейник, услышав стук, принёс ему обед. Но обычная порция оказалась велика: святитель вместо целого яйца скушал только половину и вместо целого стакана молока выпил только полстакана. Не слыша стука к вечернему чаю, келейник снова заглянул в комнату затворника. Это было в пятом часу вечера. Владыка лежал на кровати, глаза его были закрыты, левая рука спокойно лежала на груди, а пальцы правой сложены как бы для архиерейского благословения... Тихо подойдя к койке, келейник увидел, что Преосвященный труженик почил о Господе...

Кончина святителя последовала на семьдесят девятом году его жизни 6 января 1894 года. Торжественное отпевание почившего совершено Преосвященным Иеронимом, епископом Тамбовским, в Казанском соборе Вышенской пустыни. Мощи святителя были положены в правом Владимирском приделе этого храма.

Канонизация святителя Феофана состоялась на Поместном Соборе Русской Православной Церкви, посвящённом 1000-летию Крещения Руси.

Сейчас мощи святителя Феофана, Затворника Вышенского, покоятся в храме преподобного Сергия Радонежского (село Эммануиловка Рязанской области, недалеко от Выши). В том же храме находится чудотворный образ Казанской (Вышенской) Божьей Матери.

Святитель Феофан, посвятив себя поискам пути к Вечной жизни, показал этот путь и последующим поколениям в своих богословских трудах.

Тропарь, глас 8 :

Православия наставниче, / благочестия учителю и чистоты, / Вышенский подвижниче, / святителю Феофане богомудре, / писаньми твоими Слово Божие изъяснил еси / и всем верным путь ко спасению указал еси, // моли Христа Бога спастися душам нашим.

Кондак, глас 4:

Богоявлению тезоименитый, / святителю Феофане, / учении твоими многия люди просветил еси, / со ангелы ныне предстоя Престолу Святыя Троицы, // моли непрестанно о всех нас.